

Бертрис Смолл

Бертрис
СМОЛЛ

КОВАРСТВО
И ЛЮБОВЬ

Издательство АСТ
МОСКВА

ПРОЛОГ

*Хэмптон-Корт,
осень 1537 года*

Королева умерла. Она благополучно разрешилась крепким, здоровым младенцем — в пятницу, двенадцатого октября, в два часа утра. Находившийся в Эшере король, узнав о рождении принца, вскочил на коня и во весь опор помчался в Хэмптон-Корт, чтобы увидеть сына. Младенец был светловолосым, с крепенькими ручками и ножками. Генри Тюдор был переполнен радостью. Наконец-то у него появился сын-наследник! Он даже ощутил некоторую благосклонность к обеим своим дочерям — болезненной и до фанатизма набожной Марии, которая вечно смотрела на него исподлобья, и крошке Елизавете, дочке Нэн. Ну, уж об этой-то чем меньше вспоминаешь, тем лучше — дерзкая девчонка. И в свои три года слишком много знает. Однако Джейн, благослови ее Господь, полюбила обоих его дочек. Она хотела, чтобы они находились при дворе вместе с ней. Мария могла составить ей компанию, а Бесс предстояло воспитываться вместе с их сыном.

— Ты славно потрудились, милая, — сказал король своей королеве. Он коснулся поцелуем лба, а затем погладил протянутую к нему маленькую руку. — Ладный получился паренек, но мы заведем еще нескольких, чтобы ему не скучать в одиночестве, правда, Джейн? — Король просиял ласковой улыбкой. — Трех или четырех наследников английского престола!

Король упивался торжеством и теперь мог считать, что справедливость восторжествовала. Господь одоб-

рял его деяния последних лет, вот и даровал ему наконец сына.

Джейн Сеймур ответила мужу вымученной улыбкой. Роды были долгие и тяжелые, тянувшиеся почти три дня. Однако было необходимо выбрать имя их сыну.

— Как бы вы хотели его назвать, милорд? — спросила она у короля.

Сейчас ей совсем не хотелось думать о рождении еще троих-четверых детей. Слишком свежи воспоминания о только что перенесенных мучениях. В глубине души она даже задавалась вопросом: стали бы мужчины настаивать на куче детей, если по милости божьей рожали их сами?

— Эдуард. Моего сына следует назвать Эдуардом.

Королевские герольды помчались во все концы страны, чтобы объявить народу, что король Генрих VIII и юная королева Джейн стали родителями здорового младенца мужского пола. Колокола всех церквей Лондона начали счастливый перезвон, который не смолкал целый день и добрую часть ночи. И в каждой церкви Англии пели «Тебя, Господи, славим» — отметить появление на свет принца Эдуарда! Повсюду жгли костры. Лондонский Тауэр буквально скрылся в синеватом дыму, как две тысячи раз прогремели пушки в честь новорожденного наследника. Хозяйки развесили гирлянды над дверями своих домов и начали готовить блюда для праздничных обедов, которые неминуемо должны были последовать за счастливым днем. Дары и добрые пожелания уже стекались в Хэмптон-Корт. Кто знает — где и на кого падет благосклонное внимание короля в свете его великой радости? Узнав о рождении принца Эдуарда, вся Англия радовалась вместе с Генрихом и его королевой.

В понедельник, пятнадцатого октября, принца Эдуарда крестили в королевской церкви Хэмптон-Корта. Праздничная церемония началась в личных покоях королевы. Король решил — а королева смиренно согласилась, — что крестными новорожденного сына станут архиепископ Кранмер, герцог Саффолк и герцог Норфолк, а также старшая дочь короля, Мария. Дочке Нэн тоже позволили принять участие в празднестве. На этом настояла мягкосердечная Джейн.

Поэтому леди Елизавета, которую нес на руках брат королевы, лорд Бошан, крепко сжимала в пальчиках елей для миропомазания, прекрасно сознавая важность события

и своей роли в нем. Девочка, правда, не могла решить, что ей нравилось больше всего — участие в великолепной церемонии или чудесное, богато расшитое платье, которое на нее надели. После того как младенца Эдуарда крестили, Елизавета вернулась в покои королевы. Мария, старшая сестра, держала ее за руку.

Королева благословила сына, благословил его и король. Затем мальчика, вызвавшего всеобщее восхищение, отправили в детскую. Его унесла герцогиня Саффолк; именно ей надлежало отныне заботиться о наследнике.

Король приказал, чтобы покои принца Эдуарда держали в безукоризненной чистоте — он не забыл, какие беды постигли сыновей, рожденных ему принцессой Арагонской. Каждую комнату и коридор надлежало ежедневно оттирать щетками с мылом и горячей водой. Подметать тоже следовало ежедневно. Все должно быть чистым — любой предмет, до которого дотрагивался младенец, все его одежды, вообще все, что бы ему ни потребовалось. Неслыханное это было дело — столь фанатичное требование чистоты. Но кто бы посмел ослушаться Генриха Тюдора?

Обе королевские кормилицы были славные деревенские девушки, крепкие здоровьем и телом. Одна только что родила мертвого ребенка. Другой пришлось отдать новорожденного сына золовке. Наследнику престола не полагалось делить пищу с другим ребенком. Иначе тот, второй, за которым не ухаживали так тщательно, мог заболеть и заразить принца. Этот младенец должен жить, чтобы наследовать отцу! Поэтому были приняты все меры предосторожности. Эдуард Тюдор был совершенно особенным ребенком.

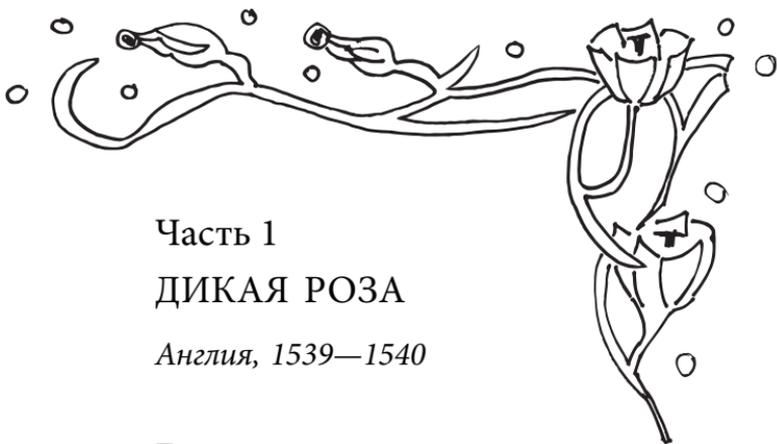
Королева почувствовала недомогание на следующий день после крещения принца. К вечеру она, казалось, пошла на поправку, однако ночью ей стало совсем худо. Приставленные к ней лекари сошлись во мнении, что у нее родильная горячка. Всю ночь королева боролась с подступающей смертью. На следующее утро ее духовник, епископ Карлайлский, уж намеревался совершить над Джейн Сеймур последнее миропомазание, но ей вдруг полегчало. К четвергу, к всеобщему облегчению, казалось, она вовсе идет на поправку. А потом, вечером пятницы, ее вновь охватил лихорадочный жар, и королева впала в забытие. Теперь не было сомнений, что смерть ее близка, да только никто не осмеливался сказать это вслух.

Король намеревался вернуться в Эшер ко вторнику двадцать третьего октября — на открытие охотничьего сезона. Но разве мог он покинуть свою милую Джейн? Даже ему стало ясно, что королева умирает. И он горестно плакал, что изумило весь двор. Мало кто мог припомнить слезы короля. Генрих Тюдор просидел подле жены всю ночь. После полуночи епископ Карлайлский вошел в опочивальню, чтобы провести над королевой последние обряды. К этому времени никакой надежды на чудесное исцеление уже не оставалось. Исполнив долг, епископ сделал все, что было в его силах, чтобы успокоить своего господина, однако король был неутешен. Королева Джейн тихо отошла в два часа ночи, почти в тот же час двенадцатью днями раньше появился на свет ее сын. Король немедленно ускакал в Виндзор, чтобы там уединиться. Считалось дурной приметой оставаться в месте, куда только что наведальась смерть.

Разумеется, похороны королевы прошли с подобающей пышностью. Ее хрупкое тело завернули в расшитую золотом ткань, чудесные светлые волосы были распущены, на голову водрузили украшенную драгоценными камнями корону. Джейн Сеймур лежала в приемном зале Хэмптон-Корта, где день и ночь распевали молитвы за упокой ее доброй души. Потом усопшую перенесли в королевскую церковь, где придворным дамам предстояло совершить бдение в течение целой недели.

Больше всех королеву оплакивала Мария Тюдор. Она любила и почитала свою ласковую и набожную мачеху, любовь которой вернула ей зыбкое благорасположение отца. С тех пор как ее мать впала в немилость, Мария Тюдор почти ни от кого не видела добра. Царствование Анны Болейн вообще обернулось для бедняжки кошмаром. А вот Джейн Сеймур всегда была к ней добра.

Восьмого ноября гроб с телом королевы перевезли в Виндзор, где и надлежало состояться похоронам — в понедельник, двенадцатого ноября. Король все еще пребывал в печали, но он уже решил, что возьмет четвертую жену. Одного сына было явно недостаточно, чтобы обеспечить преемственность королевскому дому Тюдоров. Его милая Джейн была мертва, но у короля оставались силы, чтобы произвести на свет еще несколько сыновей — нашлась бы только плодовитая супруга. Да, королева умерла, но король был жив!

Часть 1

ДИКАЯ РОЗА

Англия, 1539—1540

ГЛАВА 1

— **Ч**то ж, он сам говорил, что мог бы посетить Риверс-Эдж в один прекрасный день, — втолковывала леди Блейз Уиндхем, графиня Лэнгфорд, своему супругу. — Ты же сам его слышал.

— Я подумал, это он просто из вежливости, — раздраженно откликнулся граф. — Люди всегда так говорят. Заедем, дескать, как-нибудь на денек, но никто ведь всерьез не ждет, что они в самом деле приедут. Никто, как правило, и не приезжает. Скажи честно, неужели ты действительно решила, что будешь принимать короля? Здесь, в нашем доме? Я ни на минуту ему не поверил.

Энтони Уиндхем с досадой взъерошил темные волосы.

— Блейз, у нас скромный дом, а не дворец. Как долго он захочет тут пробыть? Сколько народу будет в его свите? Неужели мы сумеем как следует развлечь короля? — Он сердито поглядел на жену, явную виновницу грядущего разрушения его жизни, и все из-за ее давнего знакомства с королем!

Блейз расхохоталась:

— Ох, Тони, это ведь не официальный визит. Хэл просто охотится тут неподалеку. Он узнал, что Риверс-Эдж совсем близко, вот и решил повидать нас. Захватит с собой пяток спутников, да и заедет перекусить в полдень. — Она погладила мужа по руке. — Все пройдет отлично.

— Разве мы успеем как следует подготовиться? — проворчал граф. — Это очень в характере нашего короля — нагряться без предупреждения!

— В самом деле, милорд, когда это домашнее хозяйство сделалось вашей заботой? — резко возразила Блейз. — Король приезжает завтра. Времени больше чем достаточно. Уж я-то успею подготовить прием. А тебе, Тони, только и остается, что быть в хорошем расположении духа. — Она поцеловала своего красавца-мужа в щеку, дабы смягчить его. — Между прочим, любовь моя... Я послала в Эшби за моими родителями, чтобы приехали посмотреть на короля... и за сестрами тоже.

— И они все явятся? — нервно воскликнул ее супруг. Блейз была старшей из одиннадцати детей, восемь из них были девочками.

— Только Блисс и Блайт, — поспешила она его успокоить. — Возможно, мама привезет Генри и Тома. Жена Гэвина вот-вот должна родить, и он ее не оставит. Уж я-то знаю. Это ведь их первый ребенок.

Граф Лэнгфорд с облегчением перевел дух, услышав, что его дом не будет кишеть родственниками жены. Из всех своих своячениц он был более или менее знаком с Блисс, то есть графиней Марвудской, и Блайт, которая носила имя леди Кингсли. Лет им было примерно столько же, что и его жене. Четвертую сестрицу, Дилайт, давным-давно увез в Ирландию супруг, Кормак О'Брайен, лорд Киллало. От нее почти не было вестей. Две других сестры, Ларк и Линнет, вышли замуж за близнецов, сыновей лорда Олкотта. Они были вполне довольны своей участью сельских кумушек — лишь бы их не разлучали. Гордячка Ванора, предпоследняя из сестер, вышла за маркиза Бересфорда, а младшая, Гленна, тоже не промах — подцепила маркиза Эдни. Все дочери лорда Роберта Моргана славились красотой и исключительной способностью производить на свет здоровое потомство.

— Право же, лучше возможности не сыскать, — сказала Блейз мужу, которого загадочный тон ее голоса вернул к суровой действительности.

— Возможности для кого? — сурово спросил он. — Что это еще за возможность, мадам?

— Для наших детей, Тони! Для Ниссы, Филиппа и Джайлза! Теперь, когда дни траура уже миновали и король
10 посватался к принцессе Клевской, он, должно быть,

пребывает в отличном расположении духа — особенно если завтрашняя охота будет удачной, да и угощение, которое я ему подам, придется по вкусу.

— Блейз, что ты еще задумала?

— Тони, мне нужно место при дворе для Ниссы, Филиппа и Джайлза! Им необходимо пообтесаться в обществе, и мы еще не устроили брака ни одного из наших детей. Думаю, Нисса найдет при дворе хорошего мужа! А мальчики, возможно, приглянутся чьим-то отцам; разумеется, не самым богатым и влиятельным, просто отцам хороших семейств, которые хотят дочерям счастья. Филипп станет следующим графом Лэнгфорд, а я Джайлзу отписала мое имение Гринхилл, приносящее неплохой доход. Наши старшие сыновья будут завидными женихами, — с улыбкой закончила она.

— Не нравится мне, что Нисса отправится к королевскому двору, — сказал граф. — Мальчики — да, тут я с тобой согласен, но не Нисса!

— А почему нет? — продолжала настаивать жена. — В наших краях ей просто не найти мужа, да и кто станет мириться с ее причудами? Как мне рассказывали, принцесса Клевская — очень добрая и утонченная дама. Если Нисса сумеет занять место в ее свите, она будет под надежной защитой и вдобавок получит возможность встретить массу интересных молодых господ, которых иначе ей не видать как собственных ушей! Если король до сих пор питает ко мне нежные чувства, а я знаю, что питает, потому что Хэл — человек сентиментальный и никогда не забывает о былых удовольствиях, значит, он будет рад нас облагодетельствовать и пристроить при дворе наших деток. Тони! Никогда больше не представится нам такая замечательная возможность обеспечить их будущее! И знакомства, которые они заведут при дворе, будут полезны нашим младшим сыновьям, когда они подрастут. А помощь им понадобится, ведь им мы не оставим никаких имений...

— Возможно, Ричард однажды примет духовный сан, — напомнил граф. — Зачем ему бывать при дворе?

— Там бывает архиепископ, — с улыбкой возразила Блейз. — Какое полезное знакомство для нашего сына!

Энтони Уиндхем рассмеялся.

— Я уже забыл, какой изобретательной ты можешь быть, моя дорогая Блейз. Что ж, очень хорошо. Можешь строить планы. Если Богу угодно, так тому и быть.

Нисса, Филипп и Джайлз отправятся ко двору, а Ричард однажды познакомится с архиепископом. — Протянув руку, граф погладил живот супруги — очень внушительный живот, потому что Блейз вот-вот должна была родить. — Ты уверена, что это снова сын?

— Кажется, милорд, вы одаряете меня исключительно сыновьями, — с улыбкой ответила она. — Пятеро прекрасных мальчиков!

— А еще Нисса.

— Нисса — дитя Эдмунда, — мягко напомнила Блейз. — Ты стал для нее прекрасным отцом, Тони, но в ее жилах течет кровь Эдмунда.

— И моя тоже, — настаивал он, — разве я не прихожусь родней Эдмунду? Он мой дядя. И я его любил.

— Он был тебе скорее как брат. Между вами было всего несколько лет разницы. И твоя матушка, его старшая сестра, воспитывала вас обоих.

— Матушка! Будь я проклят, Блейз! Ты послала к ней в Риверсайд? Она захочет засвидетельствовать почтение королю.

— Гонец, которого я отправила к моим родителям, сначала отправился в дом леди Дороти, — усмехнувшись, ответила Блейз. — Бедняга Хэл! Он не догадывается, что его ждет, когда завтра он нагрянет к нам с визитом!

Король прибыл ближе к полудню. Настроение у него было самое приятное. Он лично застрелил двух косуль и одного оленя с такими огромными рогами, каких его товарищи и не видывали. После успешной охоты король снова почувствовал себя молодым, но увы, он был уже немолод. Блейз не видела Генриха добрых три года и сейчас была неприятно поражена. Король изрядно располнел, и было заметно, что его одежда едва не расплзается по швам. Цвет лица приобрел багровый оттенок. Присев в глубоком реверансе так, что складки яблочно-зеленого шелкового платья изящно упали на пол, графиня Лэнгфорд пыталась воскресить в памяти красивого энергичного мужчину, бывшего некогда ее любовником. Это оказалось нелегкой задачей.

Генрих Тюдор взял ее руку, призывая встать.

— Поднимитесь же, моя сельская затворница, — сказал он, и знакомый голос вернул ее в прошлое. — Знаю,

12 что вы моя преданнейшая подданная! — Глаза короля

озорно блеснули, намекая на нечто очень личное, что было понятно лишь ему и Блейз.

— Дорогой милорд! — воскликнула в ответ Блейз, улыбаясь и приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать короля в щеку. — Как я рада снова вас видеть! Сердцем и молитвами мы всегда с вашим величеством и принцем Эдуардом. Добро пожаловать в Риверс-Эдж!

— Позвольте мне вторить эхом собственной супруге, ваше величество, — негромко сказал граф Лэнгфорд, делая шаг вперед.

— Ах, Тони! Сегодня ты должен отправиться с нами на охоту, — сказал король и повернулся к своим спутникам: — Почему никому из вас не пришло в голову пригласить на утреннюю охоту моего доброго Лэнгфорда? Что, мне всегда обо всем думать самому? — Его голубые глаза угрожающе сузились.

— Почту за честь присоединиться к вашему величеству, — быстро ответил Энтони Уиндхем, пытаясь упредить монарший гнев. — А теперь не угодно ли пройти в зал и утолить голод? Блейз накрыла роскошный стол.

Рука графини Лэнгфорд ухватила запястье Генриха.

— Идемте, Хэл, — сказала она, прибегая к старому прозвищу, которое было ей столь привычно. — Сюда прибыли мои родители и матушка Тони, чтобы вас повидать. Они ожидают ваше величество в зале. А еще вас дожидается превосходный кусок говядины. И пирог с куропатками! Насколько мне помнится, вы его особенно любите. Я подам его с чудесной подливкой из красного вина, луком-шалотом и молодой морковью. — Снова улыбнувшись королю, Блейз повела его в дом.

— Присоединяйтесь, господа, — пригласил граф спутников короля, которые незамедлительно последовали за ним в парадный зал дома.

Тем временем его супруга уже представляла королю своих родителей, лорда и леди Морган, а также матушку графа, леди Дороти Уиндхем. Генриха Тюдора приветствовали сыновья графа — Оуэн Фицхью, граф Марвуд, и лорд Николас Кингсли, и их супруги, Блисс и Блайт. Лорд Морган представил королю младших сыновей, Генриха и Томаса, юношей шестнадцати лет.

Его величество был в своей стихии, с удовольствием принимая поклоны и лесть подданных. Он любезно приветствовал каждого. Похвалил Морганов за прекрас-

ных сыновей, спросил леди Дороти, почему она больше не появляется при дворе.

— Для красивой женщины во дворце всегда найдется свободная комната, — со смехом сказал он.

Леди Дороти, которой стукнуло шестьдесят пять, ответила:

— Увы, сир! Мне запрещает сын. Он говорит, что боится за мою добродетель.

Король расхохотался во все горло.

— Действительно, мадам! Наверное, он прав. — Он повернулся к Блейз. — А где ваши чудесные дети, моя милая деревенская простушка? Как мне говорили, у вас четыре парня и девица.

— Сейчас у меня пятеро сыновей, милорд. Наш Генри родился в июне два года тому назад, и я назвала его в честь вашего величества. И, как изволите видеть, скоро на свет появится восьмой ребенок.

— Вот добрая английская женушка! — многозначительно заметил король, и его спутники заметно помрачнели. — Как же я тоскую по моей милой Джейн...

— Входите же и садитесь, Хэл, — пригласила Блейз, подводя его к почетному месту на возвышении. Она заметила, что король припадает на одну ногу, и решила, что ему будет удобнее, если он наконец сядет. — Я велю привести детей, если вам угодно на них взглянуть. Но если вам кажется, что это будет утомительно...

— Чепуха, — громогласно возразил король, опуская тучное тело на стул. — Я познакомлюсь с ними всеми, включая младшенького.

Слуга незамедлительно подал Генриху кубок вина, который тот немедленно осушил. Блейз сделала знак камеристке Харте и велела ей привести всех детей разом. С галереи менестрелей, устроенной под потолком зала, полилась нежная мелодия. Король с явным облегчением откинулся на спинку стула.

В зал вошли отпрыски семейства Уиндхем. Их возглавлял наследник — лорд Филипп Уиндхем. Леди Нисса Уиндхем шла последней, держа на руках младенца-брата.

— Позвольте, ваше величество, представить вам моих детей, — торжественно произнесла Блейз. — Это Филипп, наш старший сын. Ему двенадцать. А вот Джайлз, ему девять.

Ричард, ему восемь. Эдуард, четыре года. И Генрих,

14 которому только два.

Сыновья Блейз и Энтони учтиво поклонились — в том числе и младший, когда сестра поставила его на пол.

— А это моя дочь Нисса. Тони вырастил ее как собственное дитя, однако она дочь моего первого супруга, Эдмунда Уиндхема, — продолжала хозяйка дома.

Нисса Уиндхем присела перед королем в реверансе. Юбки темно-розового шелка изящно легли вокруг ее ног. Скромно потупив глаза, девушка поднялась и встала перед повелителем страны.

— Прекраснейшая из наших английских роз, — сказал король, желая сделать комплимент. — Мадам, сколько лет девице?

— Ниссе уже шестнадцать, сир, — ответила Блейз.

— Она просватана?

— Нет, милорд.

— Отчего же нет? Она прехорошенькая, да к тому же дочь графа. Не сомневаюсь, мадам, что вы дадите за ней хорошее придание, — сказал король.

— Хэл, в наших краях нет партии, которую мы бы для нее желали, — ответила Блейз. — Приданое у нее действительно хорошее. Девочка получит Риверсайд — прекрасный дом и земли, которые идут с ним. Но вот чего бы я действительно хотела — чтобы в один прекрасный день она отправилась ко двору. — Мило улыбаясь, Блейз тем не менее многозначительно взглянула на короля.

Тот усмехнулся, погрозив пальцем в знак шуточного укора.

— Мадам, — ворчливо сказал он, — вы самая настоящая бесстыдница, но я всегда это знал. Значит, вы ищете место для этой маленькой плутовки, не так ли? А известно ли вам, что сейчас все семейства, где есть незамужняя дочь — хоть какая-нибудь дочь, — осаждает меня просьбами дать им место в свите моей невесты? Знатные и не очень — все умоляют меня о милости. — Король взглянул на Ниссу. — А ты, милое дитя, хотела бы ты отправиться ко двору, чтобы прислуживать новой королеве?

— Да, если будет угодно вашему величеству, — бойко ответила Нисса, впервые взглянув в лицо королю.

И Генрих отметил, что она унаследовала прекрасные фиалково-синие глаза матери.

— Она когда-нибудь покидала родной дом?

Графиня покачала головой.